

На правах рукописи

Белькова Анастасия Анатольевна

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Улан-Удэ – 2015

Работа выполнена на кафедре государственного и муниципального управления федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Бурятский государственный университет»

Научный руководитель: **Михалев Алексей Викторович**
доктор политических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Шемелин Аркадий Валерьевич**
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социально-
правовых дисциплин ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный
университет», г. Чита

Дудин Павел Николаевич
кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Теория и исто-
рия государства и права. Конституцион-
ное право» ФГБОУ ВПО «Восточно-
Сибирский государственный университет
технологий и управления», г. Улан-Удэ

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО
«Амурский государственный универси-
тет», г. Благовещенск

Защита состоится 8 января 2016 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.022.07 при ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, 8-й учебный корпус, а также на сайте <http://www.bsu.ru>

Автореферат разослан

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Палхаева Е. Н.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Место религии в жизни современного общества меняется под влиянием различных обстоятельств: политических, экономических, социальных. Меняются и модели исследования религиозной ситуации и ее изменений. Если в середине XX в. господствовали идеи религиозного упадка как следствия модернизации общества, то к 1990 – 2000-м гг. появилось множество концепций, вписывающих религию во все сферы общественной и частной жизни. Обновленная теория секуляризации или «неосекуляризации» рассматривает религиозный подъем в современном обществе не как упадок процессов секуляризации, а как смещение религии на индивидуальный уровень. В рамках теории десекуляризации эскалация социального влияния религии развивается в ответ на предыдущие и/или текущие тенденции секуляризации. Теория рационального выбора или религиозной экономики, оперируя понятиями религиозного рынка, объясняет повышение уровня религиозности как результат многообразия религиозного предложения, возможности максимального удовлетворения запросов религиозных потребителей. Концепция «множественная современность»¹ отрицает возможность распространения европейского опыта трансформации религии на мир в целом. Согласно данной концепции, причина, провоцирующая существующий в мире религиозный рост, заключается в необходимости религиозным организациям вписываться в современный мир, являться частью модернистского проекта, чтобы выжить и развиваться. П. Бергер, теоретик концепции секуляризации, сегодня подчеркивает слабость категории «фундаментализм», применяемой при анализе случаев религиозного подъема в современном мире².

Признание роли религии в современном обществе, жизнеспособности и роста количества и масштабов религиозных организаций при-

¹ См. работы Эйзенштадта Ш., например: Eisenstadt Sh. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. № 129(1). P. 1–29; Eisenstadt Sh. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities: A Collection of Essays*. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2003; Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. №1(30). С. 8–32.

² Berger P. *The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999. P. 7.

вело к необходимости осмысления государственно-церковных отношений в новом ключе. Изменение религиозной ситуации повлекло за собой появление новых процессов и явлений в сфере государственной религиозной политики, ответной реакции религиозных организаций. В Бурятии формирование современных государственно-церковных отношений, норм и правил их взаимодействия продолжалось на протяжении 1990 – 2000-х гг. Были созданы новые институты государственного регулирования религии, определяемые как правила поведения и способы поддержания этих правил³, которые видоизменялись, адаптировались к текущим условиям. Это привело к созданию уникальной ситуации, позволяющей исследовать собственно процесс формирования институтов государственного регулирования религии. К началу 2010-х гг. поле религиозной политики в Республике Бурятия институционально оформилось. Стало возможным изучение механизмов государственного регулирования религиозного возрождения, а не только классификация индивидуальных стратегий взаимодействия религиозных и политических акторов.

С одной стороны, изучение этих институтов представляется важным для поликонфессионального общества Бурятии во всем многообразии взаимоотношений между различными религиозными объединениями. Работа в данном направлении открывает перспективы для дальнейшего развития межконфессионального мира и согласия в отдельном субъекте Российской Федерации. С другой стороны, подобные исследования важны для формирования наиболее эффективной модели взаимодействия государства и конфессий. Данный аспект для нас является определяющим, так как в центре нашего внимания находится история формирования институтов и норм. Религиозная политика в регионе стала отражением не только общероссийских тенденций в государственном управлении и трансформации религиозной сферы, но и общемировых тенденций изменения положения религии в обществе. И для осмысления опыта управления религиозной сферой в таких сложных условиях необходимо изучить его в исторической перспективе, чтобы понять истоки, факторы, определяющие современные отношения между государством и церковью в Бурятии.

³ Радаев В. В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 3. С. 113.

Постановка проблемы. Изменения принципов взаимоотношения государства и церкви начиная с 1990-х гг. были вызваны объективными причинами. Распад СССР положил конец прежней религиозной политике. Всеобщая трансформация жизни общества, появление новых тенденций сказались как на религиозной сфере в целом, так и на отношениях государства и церкви. Если раньше государственная политика в отношении религиозных организаций, в сущности, сводилась к контролю, то постсоветский период характеризуется смещением акцентов. Теперь государство стремится поощрять, стимулировать религиозное возрождение, поддерживает существование и развитие религиозных организаций, а также предпринимает попытки упорядочивания религиозной сферы. В первую очередь это вызвано изменением религиозной ситуации как в постсоветской Бурятии, как и в России в целом. Религиозный подъем, особенно ярко проявившийся в начале 1990-х гг., являлся контртенденцией по отношению к советской секулярности, выражением антисекулярных настроений в обществе, что привело не просто к восстановлению и укреплению религиозных объединений, ограниченных в правах или запрещенных в советские годы, но также к появлению большого количества новых религиозных организаций. Если в 1987 г. в Бурятии официально были зарегистрированы 3 религиозные организации⁴, на начало 1995 г. – 81 организация, представляющая 9 конфессий⁵, то в первой половине 2015 г. в Бурятии зарегистрировано 226 религиозных организаций⁶. Разнообразие религиозного пространства республики и его постоянный рост обуславливают выбор основного направления государственного регулирования – упорядочивание и нормирование религиозной сферы.

Для этого органы государственной власти создают нормативное поле, в рамках которого религиозные организации должны существо-

⁴ Из информации уполномоченного по делам религий при Совмине БурАССР М. Мулонова Председателю Совета по делам религий при Совмине СССР К. М. Хачеву о деятельности религиозных организаций в республике от 10 декабря 1987 г. НАРБ. Ф. Р-1857. Оп.1. Д.170. Л.1–5,8–9 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. док. / сост. С. Г. Аюшеева [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001.

⁵ Бураева О. В. Религиозные организации в Бурятии // Россия и восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск, 2002. С.199–204.

⁶ Сведения о работе Минюста России в сфере государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций за 6 месяцев 2015 год // Приложение № 3 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 29.06.2015. № 162.

вать. Государство официально определяет требования к религиозным объединениям, устанавливает границы их деятельности, которые закрепляются в различных нормативно-правовых актах: законах, постановлениях, положениях и т. п. Несоблюдение религиозными акторами данных правил влечет за собой применение органами государственной власти санкций определенного характера. Например, конкретной религиозной организации может быть отказано в регистрации. При этом религиозная организация подлежит государственной регистрации как юридическое лицо⁷. Формальные правила задают общие параметры, однако существуют также и неформальные нормы, которые ранжируют религиозные организации по степени включенности в институты религиозной политики. Религиозная политика осуществляется через взаимодействие органов государственной власти и религиозных организаций, представляющих «традиционные» конфессии.

Необходимость осмысления сложившейся ситуации обязывает использовать такой методологический подход, который позволил бы понять и систематизировать множество норм, создаваемых государством для регулирования религиозной сферы Бурятии. Этим требованиям отвечает новый институциональный подход, позволяющий исследовать то, как формировался комплекс норм взаимодействия религиозных организаций с органами государственной власти и друг с другом, а также роль государства в этом процессе. Кроме того, он дает возможность анализировать формальные и неформальные нормы взаимодействия между государством и религиозными организациями, а также конвенциональные представления о них⁸.

Степень изученности. Вопросы государственного регулирования религиозной сферы в постсоветской Бурятии чаще всего затрагиваются в рамках общего анализа современного состояния различных религий. Трансформация религиозной сферы Бурятии в постсоветский период – достаточно разработанная тема. Работы по данному направлению можно условно разделить на несколько групп. Прежде всего, это исследования, фокусирующиеся на религиозной ситуации в Бурятии в

⁷ О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ, О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ.

⁸ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2, № 4. С. 28–55.

целом, межконфессиональном взаимодействии, месте религии в трансформации других сфер общественной жизни республики. В начале 2000-х гг. обзору религиозной ситуации в постсоветской Бурятии посвятили свои труды И. С. Урбанаева⁹, А. Д. Нанзанов¹⁰, О. В. Бураева¹¹, Г. Е. Манзанов¹². В рамках других исследований 2000-х гг. рассматривалась связь таких понятий, как религиозное и национальное возрождение: об этом писала И. Э. Елаева¹³, в 2008 г. вышла монография Д. Д. Амоголоновой¹⁴.

Отдельные работы были посвящены межконфессиональным отношениям и изменениям религиозной сферы постсоветской Бурятии. В период с 2005 по 2012 г. по этой теме появляются публикации: Т. И. Осоровой¹⁵, Н. Л. Жуковской¹⁶, М. С. Алексеевой¹⁷,

⁹ Урбанаева И. С. Буддизм, христианство и шаманизм: роль религиозного фактора в процессе глобализации и основы взаимопонимания традиционных конфессий Байкальского региона // Мир буддийской культуры: материалы междунар. симпоз. (Агинское, 10–14 сент. 2001 г.) Улан-Удэ; Чита, 2001. С. 192–207.

¹⁰ Нанзанов А. Д. Религиозные объединения в Бурятии (1990–2000 гг.) // Общественные перемены Бурятии в условиях трансформации российского общества на рубеже веков. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2002. С. 188–120.

¹¹ Бураева О. В. Религиозные организации в Бурятии // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия: материалы и тез. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С. В. Шостаковича. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. С. 199–204.

¹² Манзанов Г. Е. Религиозная ситуация в Республике Бурятия (современное состояние и тенденция развития) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Культура, наука, образование. 2004. С. 94–100.

¹³ Елаева И. Э. Религиозная идентичность бурят // Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 166–170.

¹⁴ Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008.

¹⁵ Осорова Т. И. Буддизм и православие в Бурятии: диалог культур // Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования: материалы науч.-практ. конф. «Егунов. чтения». 2005. Вып. 2. С. 35–38.

¹⁶ Жуковская Н. Л. Республика Бурятия: религия в культурном пространстве этноса // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 332–345.

¹⁷ Алексеева М. С. Религиозность современной российской интеллигенции (на материалах Республики Бурятия). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007.

И. А. Арзуманова¹⁸, С. Б. Намсараевой¹⁹, П. К. Варнавского²⁰,
В. Г. Жалсановой²¹.

Большое количество исследований концентрируется на анализе состояния конкретных конфессий в постсоветский период. Современное состояние буддизма в Бурятии помимо статей Л. Л. Абаевой, Ц. П. Ванчиковой, Д. Л. Баяртуевой, О. Б. Дашинамжилова, Г. В. Манзановой, Е. А. Островской, С. Б. Филатова, С. Ю. Лепехова и других отражено в монографиях Д. Г. Чимитдоржина²² (2004) и Т. Б. Бадмацыренова²³ (2012). В монографии Г. С. Митыповой²⁴ о православии (2005) рассматривается состояние православия в постсоветской Бурятии, также затронуты вопросы отношений Русской православной церкви и государства. Кроме того, вопросы положения православия в постсоветской Бурятии исследовали И. С. Цыремпилова, С. В. Васильева, Е. В. Петрова.

Проблемой положения шаманизма в постсоветской Бурятии занимались И. Р. Гарри, М. М. Содномпилова, И. С. Урбанаева,

¹⁸ Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансзиатском контексте (XX–XXI вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.

¹⁹ Намсараева С. Б. Политический аспект религиозной жизни современной Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература, 2008. С. 58–87.

²⁰ Варнавский П. К. Полезные иноверцы или опасные чужаки? Протестантские общины в современной Бурятии // Проблемы религиозного просвещения в российско-монгольском трансграничье. Вопросы межконфессионального диалога. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. С. 126–134; Варнавский П. К. «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. 2011. № 14. – С. 192–211.

²¹ Жалсанова В. Г. Роль религии в жизни сельского бурятского населения Бурятии // Культурное пространство регионов России: тез. участников всерос. науч.-практ. конф. (13–16 мая 2012 г.). Волгоград, 2012. С. 55.

²² Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006, Чимитдоржин Г. Г. Институт Пандито Хамбо лам 1764–2004 гг. Улан-Удэ: Изд-во Буддийского ин-та «Даши Чойнхорлин», 2004.

²³ Бадмацыренов Т. Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.

²⁴ Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005.

Э. М. Цыденов. В 1999 г. была издана работа М. А. Савиновой²⁵, посвященная новым религиозным движениям в Бурятии, позднее С. З. Ахмадулина, Е. Б. Баторова²⁶ подробно изучили эту тему в своей монографии. Нетрадиционные для Бурятии конфессии рассматриваются в работах Н. А. Аюровой, О. Н. Волковой и С. Д. Батомункуева, П. К. Варнавского и других.

Работы вышеперечисленных авторов посвящены анализу состояния религии в постсоветской Бурятии. Они не фокусируются на проблеме государственной религиозной политики, эта тема если и затрагивается, то лишь косвенно, однако они создают фундамент для ее изучения. Между тем существует еще одна группа исследований, для которых тема отношений государства и церкви является основной.

В 1999 г. Л. Л. Абаева на круглом столе Народного Хурала Республики Бурятия представила доклад, в котором подняла проблему законодательного регулирования религиозной сферы в Бурятии²⁷. В 2000 г. вышла монография И. С. Цыремпиловой, посвященная проблеме взаимоотношений религии и власти, но в других хронологических рамках (начало XX в.)²⁸.

В 2006 г. Р. Лукин в «Атласе современной религиозной жизни России»²⁹ описал случаи взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций, а также конкретных политических и религиозных деятелей. В 2007 г. В. Л. Петров и Е. В. Петрова затронули проблему взаимодействия государства и старообрядчества на современном этапе, анализируя отношения этнокультурных центров и орга-

²⁵ Савинова М. А. Новые религиозные организации на территории Бурятии (Сознание Кришны и Вера бахаи). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999.

²⁶ Баторова Е. Б., Ахмадулина С. З. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990-е – 2000-е годы). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010.

²⁷ Абаева Л. Л. Этноконфессиональная ситуация и проблемы реализации закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» // О ходе реализации Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия (предпринятые действия, проблемы и пути дальнейшей реализации): материалы круглого стола и выездного заседания Комитета Народного Хурала Республики Бурятия: Улан-Удэ, 1999. С. 48–52.

²⁸ Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000.

²⁹ Лукин Р. Религиозная ситуация в Бурятии: традиции веротерпимости и христианская миссия // Атлас современной религиозной жизни России. Т. II. М.; СПб.: Летний сад, 2006.

нов государственной власти³⁰. С. В. Васильева в серии работ начала 2010-х гг. исследовала проблему отношений государственных органов власти и старообрядчества³¹, в том числе и постсоветский период. Т. Б. Бадмацыренов в это же время публикует ряд работ³², посвященных взаимоотношениям Буддийской традиционной сангхи России и органов государственной власти на современном этапе. В 2011 г. вышел третий том³³ «Истории Бурятии», один из разделов которого посвящен государственно-церковным взаимоотношениям в 1992–2000 гг. Однако он представляет собой обзор современного состояния религиозных организаций, роль государства в ее формировании не рассматривается. В 2013 г. выходит монография Н. В. Цыремпилова, который рассматривает отношения государственных органов власти и буддистов Бурятии, но в других хронологических рамках (XVIII – начало XX в.)³⁴

Объект исследования – институты государственного регулирования религиозной сферы в постсоветской Бурятии.

³⁰ Петров В. Л., Петрова Е. В. О некоторых вопросах сотрудничества этнокультурных центров с органами государственной власти (на примере Республики Бурятия) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 460–468.

³¹ См., например: Васильева С. В. Методологические подходы к исследованию взаимоотношений государства, Русской православной церкви и старообрядчества в Байкальском регионе // Православие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 106–116; Реализация государственной политики по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в первой половине XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 7. С. 11–16; Эволюция государственной и церковной политики в отношении старообрядчества Забайкалья в XVII–XXI вв. // Духовные миссии Забайкалья. Улан-Удэ, 2013. С. 93–101.

³² Бадмацыренов Т. Б. Политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // Буддизм в современных общественно-политических процессах Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 130–147; Бадмацыренов Т. Б. Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 14. С. 137–143.

³³ История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 400–402.

³⁴ Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013.

Предмет исследования – формирование институтов государственного регулирования религиозной сферы в постсоветской Бурятии.

Гипотеза – сформированные в Бурятии в постсоветский период формальные и неформальные институты государственного регулирования религиозной сферы определяют структуру межконфессиональных отношений в регионе.

Цель работы: изучение процесса формирования институтов государственного регулирования религиозной сферы Республики Бурятия в постсоветский период.

Исходя из поставленной цели сформулированы следующие **задачи:**

- определить теоретическую модель исследования и обосновать ее выбор;

- рассмотреть религиозную ситуацию в постсоветской Бурятии и выявить предпосылки государственного регулирования религиозной сферы;

- выявить и систематизировать формальные институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии и проследить процесс их трансформации;

- выявить и систематизировать неформальные институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии и проследить процесс их трансформации.

Методология и методы исследования. Методологической базой данного исследования служит концепция исторического институционализма, которая позволит выявить и систематизировать комплекс норм, создаваемый государством в качестве инструмента регулирования религиозной ситуации в республике. Этот подход дает возможность анализировать не только официальные структуры, согласовывающие отношения между агентами, но и неформальные нормы. В данной исследовательской ситуации неформальные нормы имеют первостепенное значение в формировании и развитии государственной религиозной политики. Институциональный подход дает возможность рассмотреть взаимоотношения между агентами взаимодействия, процессы создания и поддержания институтов, повседневные взаимодействия. Выбор исторического институционализма в качестве методологии исследования позволит не только идентифицировать существующие институты государственного регулирования религии, но и про-

следить их формирование и трансформацию на протяжении всего изучаемого периода. В данном исследовании мы будем опираться в основном на работы Н. Флигстина, К. Телен, П. Холла, Р. Тейлор, С. Штейнмо, В. В. Радаева, Г. Хелмке, С. Левитски.

Однако прежде чем рассматривать собственно трансформацию политики государственного регулирования религиозного пространства республики, необходимо выявить предпосылки, причины вмешательства государства в религиозную сферу. На данном этапе исследования будет применена концепция десекуляризации как теоретическая основа для анализа религиозной ситуации в постсоветской Бурятии. Это позволит, во-первых, объяснить религиозный подъем в Бурятии, наблюдающийся в начале 1990-х гг.; во-вторых, вписать религиозную ситуацию в регионе в общемировые тенденции. Основными представителями данного теоретического направления являются П. Бергер³⁵ и В. Карпов³⁶. Этот подход предполагает объяснение случаев масштабного религиозного подъема в современном мире через антисекулярные тенденции.

Комплексное применение этих методологий позволит не просто описать государственную религиозную политику в постсоветской Бурятии, а изучить трансформацию религиозной ситуации и формирование институтов ее государственного регулирования. Это даст возможность проанализировать то, как устанавливались формальные и неформальные нормы взаимодействия государственных и религиозных акторов, а также появление и развитие механизмов поддержания этих норм.

В ходе исследования были применены общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция и пр.), а также специальные (сравнительный, системный и пр.) методы. Сбор и анализ эмпирических данных опирались на следующий исследовательский инструментарий: ретроспективный метод – для анализа возникновения и развития институтов государственного регулирования религии, сравнительно-исторический метод – для сопоставления положения акторов институционального взаимодействия на протяжении всего изучаемого периода, контент-

³⁵ Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999. P. 1–18.

³⁶ Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // Journal of Church and State. 2010. № 52(2). P. 232–270.

анализ – при анализе публикаций в средствах массовой информации, различных документов, архивных материалов, количественный анализ – при обзоре публикаций в средствах массовой информации, дискурс-анализ – при анализе проблемы конструирования образов «традиционных» и «нетрадиционных» религий в регионе, интервьюирование. В ходе исследования была проведена серия фокусированных интервью с представителями религиозных организаций, органов государственной власти, жителями республики, всего опрошено 18 человек. В итоге получено 2 экспертных интервью, 3 интервью с государственными служащими, представителями Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив (бывший Комитет по межнациональным отношениям, связям с общественными, религиозными объединениями и информации), Администрации президента и правительства Республики Бурятия и Комитета по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия, 3 интервью со священнослужителями (православие, шаманизм и буддизм). В данном случае выборка была целевой и осуществлялась при помощи метода снежного кома. Кроме того, летом – осенью 2013 г. в рамках фокусированного исследования культурного кода религии в современной Бурятии было опрошено 10 человек. Выборка была случайной, однако ее структура опиралась на возраст респондентов: шаг выборки составил 10 лет. Были опрошены по 2 человека из следующих возрастных групп: 23, 33, 43, 53, 63 года.

Территориальные рамки исследования ограничены Республикой Бурятия. Она является поликонфессиональным регионом, что дает уникальную возможность исследовать в локальном масштабе не индивидуальные стратегии взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций, а создание и трансформацию институтов государственного регулирования религиозной сферы.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с 1990 по 2014 г., поскольку данное исследование фокусируется на процессах, характерных именно для постсоветского периода. Выбор отправной точки – 1990 год, а не год распада СССР, формального начала постсоветского периода, обусловлен спецификой данного исследования. К концу 1980-х гг. на территории Бурятии растет тенденция к повышению роли религии. В первую очередь это выражается в росте обращений к органам государственной власти о регистрации

религиозных объединений, в стремлении групп верующих восстановить культовые сооружения, разрушенные или находящиеся в упадке. 1989 год характеризуется тем, что многие из обращений и просьб о регистрации религиозных организаций впервые были удовлетворены: зарегистрированы общества буддистов в Тункинском и Закаменском районах Республики Бурятия, общество Русской православной церкви в с. Байкало-Кудара Кабанского района Республики Бурятия, обществу Русской православной церкви в г. Кяхта передана в аренду здание Успенской церкви. Это свидетельствует о смене направления государственной религиозной политики. Однако окончательное закрепление этого изменения происходит именно в 1990 г., когда в Москве появляется официальный документ, констатирующий возросшую роль религии в обществе. Речь идет о постановлении Совета по делам религий при Совмине РСФСР³⁷, который дает оценку результатам выборов народных депутатов всех уровней в 1989–1990 гг. «Избрание служителей церкви в органы власти – одно из свидетельств революционных преобразований социально-политических отношений в советском обществе <...> Выдвижение священнослужителями своих кандидатур в народные депутаты свидетельствует и об их готовности участвовать в процессе совершенствования государственно-церковных отношений»³⁸. В постановлении указано, что представители органов государственной власти должны содействовать работе депутатов-священнослужителей, а также обратить особое внимание на развитие государственно-церковных отношений.

Положения, выносимые на защиту.

1. Религиозный подъем в Бурятии, проявившийся с начала 1990-х гг., – это реакция на секулярность, характерная для предыдущего, советского, периода, что выражается в сближении ранее секуляризованных институтов и религиозных норм, формальных и неформальных, возрождении религиозных верований и практик, религиозного содержания в различных подсистемах культуры, возвращении религии в публичное пространство, в связанных с религией изменениях в суб-

³⁷ Постановление Совета по делам религий при Совмине РСФСР «О взаимодействии в решении служебных задач с народными депутатами, в том числе с избранными народными депутатами священнослужителями г. Москва 20 апреля 1990 г.» // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. док. / сост. С. Г. Аюшеева [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001.

³⁸ Там же.

страте общества. Таким образом, религиозную ситуацию в постсоветской Бурятии можно описать как десекуляризацию.

2. Институты государственного регулирования религиозной сферы представляют собой формальные и неформальные правила, определяющие поведение государственных и религиозных агентов, и управляют повседневными практиками взаимодействия государства и религиозных организаций и поддерживаются этими практиками.

3. Формальные институты государственного регулирования религиозной сферы – это официально закрепленные правила, т. е. различные нормативно-правовые акты: законы, постановления, положения и пр. Они распространяются на все религиозные организации, несоблюдение большинства из них ведет напрямую к применению органами государственной власти официальных санкций, например, к лишению религиозной организации статуса юридического лица.

4. Благодаря неформальным институтам государственного регулирования религиозной сферы государство включает отдельные религиозные организации в приближенную группу, взаимодействуя с которой, реализует религиозную политику. Они включают любые нормы, определяющие взаимоотношения государства и религиозных организаций, не относящиеся к формальным.

5. В 1990-х гг. начинается формирование современной системы норм, упорядочивающих религиозную сферу в Бурятии. Она характеризуется разделением религий на традиционные и нетрадиционные. Принадлежность религиозной организации к одному из этих типов становится определяющим фактором при выстраивании ее отношений с органами государственной власти.

6. Формирование определенной нормативной системы позволило государству упорядочить религиозную сферу Бурятии на фоне масштабного религиозного подъема постсоветского периода. Выбор религиозных организаций, вписываемых государством в создаваемую им институциональную систему, основывался на степени их лояльности. Это позволило выстроить с кругом религиозных организаций-инсайдеров взаимовыгодные партнерские отношения и реализовывать государственную религиозную политику в условиях стабильности, концепт традиционности/нетрадиционности религий позволил обосновать инклюзию лояльных религиозных организаций в структуры государственной религиозной политики.

Научная новизна работы в первую очередь заключается в том, что в ней впервые исследовательское внимание фокусируется именно на отношениях государства и церкви в постсоветской Бурятии. Прежние работы лишь затрагивали данную проблему. В существующих исследованиях, рассматривающих государственную религиозную политику в Бурятии, анализируются другие временные периоды: дореволюционное и советское время или лишь конкретные случаи взаимодействия органов государственной власти и конкретных религиозных организаций в постсоветский период. В представленной диссертации впервые будут изучены методы регулирования государством религиозной сферы республики на протяжении всего постсоветского периода. Основное внимание будет уделено формированию институтов государственного регулирования религии, их трансформации. Кроме того, в работе впервые не классифицируются отдельные стратегии взаимоотношений политических деятелей со священнослужителями и конкретными религиозными объединениями, а анализируется государственная религиозная политика в целом. Также научная новизна данного диссертационного исследования состоит в том, что взаимоотношения государства и церкви в постсоветской Бурятии впервые будут рассмотрены через призму исторического институционального подхода. Впервые будут выявлены и классифицированы институты государственного регулирования религии, а также изучен процесс их создания и развития.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что в итоге исследования была создана универсальная теоретическая модель анализа государственной религиозной политики, которая может быть применена при изучении аналогичных процессов в других регионах. Выводы диссертации, собранный в ходе исследования эмпирический материал могут быть использованы для дальнейшего изучения государственного регулирования религии, трансформации религиозной сферы в постсоветский период. Материалы диссертационной работы могут быть востребованы в органах государственной власти соответствующей специализации. Также возможно дальнейшее использование выводов данной диссертационной работы при разработке специальных академических курсов.

Источниковую базу исследования составили:

1. Нормативно-правовые акты: федеральные, субъекта Федерации, муниципальные. Также были использованы документы, справки,

отчеты государственных органов власти, таких как Управление Министерства юстиций по Республике Бурятия, Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации главы Республики Бурятия и правительства Республики Бурятия (бывший Комитет по делам национальностей и связям с религиозными объединениями Администрации президента и правительства Республики Бурятия), Комитет по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия.

2. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики (статистические сборники «Бурятия в цифрах», статистические ежегодники «Бурятия», информация из баз данных, опубликованных на официальных сайтах <http://burstat.gks.ru> и <http://www.gks.ru>).

3. Результаты социологических исследований, проведенных социологической службой «Эйдос» по заказу Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации президента Республики Бурятия и правительства Республики Бурятия³⁹. Кроме того, были использованы данные из специализированных справочников⁴⁰.

4. Электронные и печатные публикации, вышедшие в постсоветской Бурятии, посвященные религиозной тематике: художественная, публицистическая литература и т. п.

5. Интернет-материалы – официальные сайты органов государственной власти, религиозных организаций, блоги религиозных деятелей и т. п.

6. Публикации в средствах массовой информации: печатные и интернет-версии газет «Информ-Полис», «Номер один», «Новая Бурятия», «Бурятия», «Правда Бурятии», «Молодежь Бурятии», телеканалов местного значения: «АригУс», «Тивиком», «БГТРК» (Бурятская государственная телерадиокомпания»), радиоэфира «Радио Бурятии», газеты Улан-Удэнской и Бурятской епархии «Православная Бурятия».

³⁹ Например: Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010.

⁴⁰ В том числе: Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011; Атлас современной религиозной жизни России / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005, 2006, 2009.

7. Материалы полевого исследования – нарративы интервью, собранных в течение 2011–2014 гг. За данный период проведена серия глубинных интервью, в ходе которых опрошены представители органов государственной власти, религиозные деятели, жители республики.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» 19 декабря 2014 г.

Основные тезисы данной работы были представлены в качестве докладов и тезисов на международной научной конференции «Европа и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы взаимодействия» Иркутского государственного университета при поддержке Центра международных и европейских исследований им. Фернана Броделя и Центра Европейского союза в Сибири (Иркутск, 30 сентября – 1 октября 2013 г.), на всероссийской политологической конференции «Регион в стране и в мире – тенденции и динамика политического развития» Иркутского государственного университета (Иркутск, 25 апреля 2013 г.), на международной конференции «Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации» Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, 17–20 мая 2012 г.), на международной научной конференции «Мир Центральной Азии» Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, 18–22 апреля 2012 г.).

Кроме того, диссертационное исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта (Религиозная ситуация во Внутренней Азии: проблемы постсоветских трансформаций), проект № 13-33-01260. Концептуальные идеи и выводы диссертации отражены в 15 публикациях, из них 8 – в ведущих рецензируемых журналах.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, представлена оценка степени ее изученности и разработанности, определе-

ны проблема, объект, предмет, цель и задачи исследования; показана научная новизна исследования. Кроме того, определены выносимые на защиту положения, теоретическая и практическая значимость исследования, представлена апробация полученных результатов.

Первая глава **«Институты государственного регулирования религиозной сферы: теоретические подходы и локальные контексты»** описывает предпосылки для изучения институтов государственного регулирования религиозной сферы: методологию исторического институционализма и религиозную ситуацию в постсоветской Бурятии. В первом параграфе **«Основные этапы формирования концепции исторического институционализма»** рассматриваются история возникновения данной теории, его использование в науке, а также ее категориальный аппарат. Исторический институционализм прошел путь от сравнительной политологии (считается⁴¹, что у истоков современного понимания исторического институционализма стоит Т. Скочпол и ее работа «Государства и социальные революции»⁴²) до его использования при анализе конкретных политических решений. В любом случае эту теорию всегда отличала ориентация на анализ политических процессов. Для этой теории характерно рассмотрение политических институтов в исторической перспективе, таким образом, она ввела временной фактор в институциональный анализ. Кроме того, исторический институционализм отличается от других теоретических подходов пристальным вниманием к реальным эмпирическим проблемам. В конце параграфа дается оценка возможностям применения нового институционального подхода в рамках исследования, а также определяются основные термины, используемые в данной диссертации.

Второй параграф **«Религиозная ситуация в постсоветской Бурятии»** посвящен изучению состояния религиозной сферы в постсоветской Бурятии. Религиозная ситуация является одним из основных факторов, определяющих государственную политику в отношении религии. Кроме того, положение религии и государственная религиозная

⁴¹ Steinmo S. What is Historical Institutionalism // Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective / ed. D. D. Porta, M. Keating. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. P. 158.

⁴² Skocpol T. States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

политика тесно связаны. Изменения в одной сфере несут за собой изменения и в другой.

В данном параграфе показано, что религиозные трансформации в постсоветской Бурятии можно определить как проявления десекуляризации. Изучены состояние ранее секуляризованных институтов и их отношения с религией, уровень религиозности населения Бурятии, религиозные практики и верования, положение религии в публичном пространстве и в различных подсистемах культуры⁴³. Десекуляризационные тенденции проявляются в сближении религии с различными ранее секуляризованными институтами, такими как образование, семья, армия. Стабильно растет количество религиозных организаций и уровня религиозности в республике. Религия заняла прочное место в публичном пространстве региона: на протяжении всего исследуемого периода растет количество контента, связанного с религией, религиозные объединения сами организуют свое присутствие в публичной сфере.

Во второй главе **«Институты государственного регулирования религиозной сферы в постсоветской Бурятии»** институциональная теория апробируется на эмпирическом материале Республики Бурятия. В первом параграфе **«Формальные институты государственного регулирования религиозной сферы»** проводится анализ формальной нормативной системы, в рамках которой существуют религиозные организации в республике, и процесса ее становления.

Были проанализированы все законодательные и другие нормативно-правовые акты, касающиеся религии, которые действовали или действуют на территории Бурятии в постсоветский период, в том числе Конституция Республики Бурятия, Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия, закон РБ «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» и др. Кроме того, был исследован процесс формирования и трансформации системы органов государственной власти, в компетенцию которых входили вопросы религиозной сферы.

Политические перипетии начала 1990-х гг. обрушили систему формальных институтов государственного регулирования религиозной

⁴³ На основе: Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 114–164; Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // Journal of Church and State. 2010. № 52(2). P. 232–270.

сферы в СССР. Это вызвало необходимость формирования новой нормативной системы, регулирующей религиозную сферу Бурятии. В формальных нормах 1990-х гг. закладываются основные принципы, лежащие в основе институтов государственного регулирования религиозной сферы, которые в дальнейшем так и не были изменены. Главный из них – принцип разделения конфессий по степени их традиционности.

Во втором параграфе **«Неформальные институты государственного регулирования религиозной сферы»** рассматриваются нормы, которые не нашли отражения в официальных документах, определяющих концепцию государственной политики в религиозной сфере. В ходе исследования мы пришли к выводу, что с течением времени некоторые нормы меняли свой статус. В один период времени они могли быть формальными, в другой – неформальными. Но все же неформальные институты в основном касаются взаимоотношений государства и традиционных религиозных организаций. У них сложилась тесная взаимовыгодная система взаимоотношений. Органы государственной власти контактируют с традиционными религиозными организациями, вовлекая их в круг своих мероприятий, одновременно ожидая от них определенной реакции, в том числе поддержки своих инициатив. Таким образом, государство упорядочивает религиозную сферу в республике, стремясь сделать религиозную ситуацию управляемой и прогнозируемой. Традиционные религиозные организации, соответственно, получают поддержку со стороны государства: и символическую, и материальную, а также возможность продвигать свои интересы.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования, сделаны общие выводы. Отношения между различными религиозными организациями в Бурятии определяются сводом правил, сформированных при активном вмешательстве государства. Начало этому процессу было положено в 1990-х гг., когда утратили свое значение прежние нормы, определяющие положение религии в обществе, сформированные еще в Советском Союзе. В этот период создается законодательство в религиозной сфере. Соответственно, согласно терминологии исторического институционализма, это время является критической развилкой. Происходит коренная перестройка всех норм и правил, определяющих существование общества и государственную политику, в том числе и в религиозной сфере. С этого момента начинает-

ся формирование современных институтов государственного регулирования религии.

Политические перипетии начала 1990-х гг. обрушили систему формальных институтов государственного регулирования религиозной сферы в СССР. Однако неформальные институты не могут быть изменены в один момент. В начале 1990-х гг. они подвергаются медленной, но верной трансформации. Отсутствие сформированной законодательной базы, которая бы регулировала отношения государства и церкви и, главное, механизмы воздействия государства на религиозную сферу, способствовало тому, что в начале 1990-х гг. все взаимодействие между государственными и религиозными агентами строилось на основе неформальных норм. На их состояние оказывали влияние три главных фактора: влияние позднесоветской нормативной системы, национальный и религиозный подъем, характерный для того времени, а также доминирование личных отношений. Закрепление сложившейся системы норм на формальном уровне на краткий период отставило необходимость в неформальных институтах. Однако с началом 2000-х гг. и глобальными изменениями в политической системе в этот период нормы, запрещенные на формальном уровне, на протяжении всего последующего десятилетия постепенно переходят на неформальный уровень. Таким образом, в данной ситуации формируются аккомодационные неформальные институты: они позволяют изменять последствия соблюдения формальных правил без их прямого нарушения. Официально все религиозные организации находились в равном положении, однако органы государственной власти начинают выстраивать партнерские отношения с определенными религиозными организациями. Более того, они начинают создавать вокруг контактов с этими организациями свою систему правил и границ поведения.

В итоге это приводит к новой тенденции постепенного проникновения на уровень формальных норм системы разделения религиозного пространства республики и поддержки традиционных конфессий. В этот переходный период, локализованный в 2010-х гг., неформальные институты государственного регулирования религии становятся дополняющими, уже формируется целостная система формальных норм, в которых отражена возможность государственной поддержки ограниченного круга религиозных организаций.

Решение органами государственной власти и множеством традиционных религиозных организаций обширного спектра задач в рамках

созданных институтов религиозной политики объясняет их стабильность. Эта система норм и правил адаптируется к изменениям внешней среды и время от времени набирает силу. Но на протяжении всего изучаемого периода действовали механизмы, воспроизводящие определенный институциональный шаблон.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Публикации в журналах, включенных в перечень изданий ВАК:

1. Белькова А. А. Коды повседневных религиозных практик: случай Бурятии / А. А. Белькова // Вопросы культурологии. 2015. № 2. С. 100–104 (0,4 печ. л.).
2. Белькова А. А. Формирование религиозной собственности в постсоветской Бурятии / А. А. Белькова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII, № 5(76). С. 70–84 (1 печ. л.).
3. Белькова А. А. Правовое регулирование религиозной сферы Бурятии в 1990-х гг. / А. А. Белькова // Евразийский юридический журнал. 2014. № 8(75). С. 211–215 (0,8 печ. л.).
4. Белькова А. А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях / А. А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 7. С. 117–121 (0,5 печ. л.).
5. Белькова А. А. Институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии / А. А. Белькова // Вестник Пермского государственного университета. Сер. Политология. 2014. № 1. С. 146–155 (0,6 печ. л.).
6. Белькова А. А. Религия и образование: десекуляризация в постсоветской Бурятии / А. А. Белькова // Власть. 2013. № 6. С. 88–91 (0,4 печ. л.).
7. Белькова А. А. Отношения государства и церкви в теории религиозной экономики / А. А. Белькова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 178–198 (1 печ. л.).
8. Белькова А. А. Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии / А. А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 7. С. 177–180 (0,3 печ. л.).

Публикации в других российских научных изданиях:

9. Белькова А. А. Принципы государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии / А. А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 3. С. 51–57 (0,4 печ. л.).
10. Белькова А. А. Межрелигиозные отношения в постсоветской Бурятии: теория религиозных рынков / А. А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 30–37 (0,5 печ. л.).
11. Белькова А. А. Возвращение религии в публичное пространство республики Бурятия (1990–2000-е гг.) / А. А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 7. С. 177–180 (0,3 печ. л.).

ситета. Сер. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2012. № 1. С. 201–209 (0,6 печ. л.).

12. Белькова А. А. Сделка с Богом: культурный код религии в постсоветской Бурятии / А. А. Белькова // Вера и религия в современной России. Москва : Август Борг, 2014. С. 40–50 (0,4 печ. л.).

13. Белькова А. А. Постсоветские трансформации религиозной сферы в республике Бурятия / А. А. Белькова // Буддизм в современных общественно-политических процессах Бурятии: сборник статей. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 182–195 (0,6 печ. л.).

14. Белькова А. А. Западные и восточные культурные коды в религиозном пространстве современной Бурятии / А. А. Белькова // Европа и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы взаимодействия: тезисы международной научной конференции. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. С. 49–51 (0,1 печ. л.).

15. Белькова А. А. Теории изучения религии в современной западной социологии / А. А. Белькова // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: материалы международной конференции. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та. 2012. С. 217–219 (0,2 печ. л.).

Общий объем публикаций автора 7,8 печ. л.

Подписано в печать 25.09.15.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 1,4.

Тираж 100. Заказ 108.

Издательство Бурятского госуниверситета

670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а